

Очерки изъ охотничьей жизни.

Д ѣ д ѣ *).

умрешь — никто, никто тебя и не вспомнитъ. Жилъ, былъ дѣдъ и нѣтъ его, какъ корова языкомъ слизала.

Вотъ, если бѣ былъ я, примѣрно, славнымъ поэтомъ: помрешь — некрологовъ, сколько угодно, толпы почитателей за гробомъ, вѣнки, прекрасныя женщины главы пепломъ посыплютъ и ризы свои слезами оросятъ, а одна, самая прекрасная... брюнетка или блондинка?.. пускай будетъ блондинка — я блондинокъ предпочитаю — съ распущенными пышными волосами кидается съ рыданіемъ на гробъ, цѣлуетъ меня въ закрытыя очи, въ мертвые холодные губы и кричитъ, крикомъ кричитъ: я любила его.

Дѣдъ разсмѣялся и самъ себѣ прочелъ нотацію.

— И комикъ ты, старый шутъ! Чего тебѣ еще нужно? Что ты помрешь и, надо полагать, въ скоромъ времени — это въ порядкѣ вещей, а будетъ ли, нѣтъ ли кто тебя поминать добромъ или лихомъ — это, братъ, ты оставь на благоусмотрѣніе живущимъ, а теперь думай о чемъ-либо не столь трогательномъ.

И думалъ дѣдъ, какое наслажденіе доставляло ему про-сидивать лѣтнія ночи у костра надъ рѣкою.

Ночь дышитъ тепломъ и ароматомъ; луна прячется за высокой плавней на томъ берегу; большія ласковыя звѣзды усѣяли темно-синее небо; вода въ рѣкѣ черная, черная съ матовымъ отблескомъ, точно вороненая сталь, чуть слышно

*) См. ноябрь.

плещеть, набѣгая на песчаный отлогій берегъ; дѣдъ сидить у костра, глядитъ, какъ голубыя огненные змѣйки перебѣгаютъ по краснымъ раскаленнымъ угольямъ; порой костеръ вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ и освѣщаетъ наклонившіеся надъ нимъ кедровые кусты лозы, а окрестный мракъ становится еще гуще, еще чернѣе; на лугу кричатъ перепела и коростели; порою кѣмъ-то вспугнутый куличокъ, свистя, пролетитъ надъ водою...

Такъ сидитъ дѣдъ, покуда порозовѣетъ небо на востокъ, попрячутся звѣзды, яснѣе выступятъ изъ мрака силуэты прибрежныхъ ивъ и кустовъ лозняка, легкій туманъ закружится надъ посвѣтлѣвшей водой; онъ тогда идетъ къ лодкѣ и готовить удочки; а на рѣкѣ чаще и чаще раздаются всплески рыбы и широкіе круги расходятся по водѣ; а солнце, еще не видное за густой и высокой плавней, золотитъ верхушки ея вербъ и осокорей, кладетъ свѣтлые блики на зеленые склоны монастырскихъ горъ и ярко играетъ на золотыхъ крестахъ подгороднаго тонущаго въ утренней дымкѣ монастыря; на далекой пристани слышится свистокъ парохода: скоро онъ пробѣжитъ мимо дѣда, бороздя тихую поверхность рѣки и оставляя за собою широкую волну, съ шумомъ и плескомъ набѣгающую на берегъ.

Любилъ дѣдъ и ночи надъ громаднымъ Заливаемъ, и ихъ просиживалъ онъ безъ сна, слушая, какъ кричатъ утки, стонуть чибесы и перекликаются звучными мелодическими голосами кроншнепы на неоглядномъ пространствѣ колоссальнаго болота.

Бывало это наканунѣ Петрова дня. Любила въ этотъ день ночевать тамъ компанія охотниковъ, въ числѣ которыхъ находился и дѣдъ; и зналъ онъ хорошо, что завтра никакой охоты не будетъ, ибо съ разсвѣтомъ изъ окрестныхъ деревень явится цѣлая армія, человѣкъ въ двѣсти туземцевъ, вооруженная частью ружьями, частью длинными гибкими шестами, обратитъ въ бѣгство урядника и стражниковъ и пойдетъ длинною шеренгою по болоту, избивая все живое, и къ полудню освободитъ Буровскій Замывай отъ всякаго присутствія дичи.

Зналъ это хорошо дѣдъ и все-таки ему было пріятно.

И теперь при воспоминаѣніи о прошломъ у него явилось страстное желаніе.

— Эхъ, если бѣ довелось еще хоть разочекъ!

Помнить дѣдъ и другія ночи.

Помнить онъ, какъ еще мальчикомъ ранней весной онъ цѣлые часы простаивалъ на крыльцѣ родительскаго дома, встрѣчая прилетныхъ гостей.

Дивные звуки лились съ туманной вышины: и звонъ крыльевъ, и свистъ, и крикъ, и пискъ, и гоготанье, и звонкія мелодическія трели, и голоса, напоминавшіе звонъ тысячи серебряныхъ колокольчиковъ, и все это сливалось въ чудную, чарующую гармонію; казалось, все темное, туманное небо, весь ночной воздухъ поетъ и звенить, и ликуеть.

И странное, непонятное, но могучее чувство охватывало его до самозабвенія, до лихорадочной дрожи; вся душа его стремилась куда-то далеко, далеко, въ туманную вышину, туда, гдѣ міріады дивныхъ голосовъ радостнымъ привѣтомъ встрѣчали ихъ дорогую, давно покинутую родину.

И стоялъ онъ, какъ зачарованный, не помня себя, пока на крыльцо не выходила мать и не загоняла его въ комнату.

«И куда это дѣвалось?—думаетъ дѣдъ съ невольною печалью:—Вотъ ужъ сколько лѣтъ весенними ночками стою я въ напрасномъ ожиданіи; теплый вѣтеръ вѣетъ мнѣ въ лицо, чуть слышно журчатъ весенніе ручьи, шорохъ порой слышится, точно пробирается кто осторожно по опавшему листу, а тамъ вверху все мертво и тихо, прежнихъ дивныхъ звуковъ нѣтъ и, должно быть, ихъ никогда не будетъ; одна сова въ монастырской рошѣ голосить, точно съ нее съ живой кожу деруть».

Загрустился дѣдъ: хорошо весной и теперь, а все не то, что было; дѣйствительно ли оно хуже стало, или самъ онъ опустился, одервенѣлъ: не такъ живо чувствуется, не воспринимается всей душой: одна половина души чувствуетъ, а другая нѣтъ; а прежде

Давной нѣгой полна, наступила весна,

Время чудныхъ чарующихъ грезъ;

Тихій вечеръ, стоялъ и надъ рощей луна

Серебрила верхушки березъ,
 И стоялъ подъ рѣкой я съ подругой моей.
 Сердце билось въ груди, волновалася кровь,
 А надъ нами въ кустахъ сладко пѣлъ соловей...
 Сладко пѣлъ соловей про весну и любовь...

— Было это когда-то... но было и такъ:

Засыпала рѣка, мракъ сгущался надъ ней,
 И звѣзда надъ звѣздой въ темномъ небѣ зажглись,
 И попрежнему пѣлъ и рыдалъ соловей,
 И мучительно слезы лились.

Было и такъ, лились слезы и не воображаемая, только никто ихъ не видѣлъ... Очень обидно бываетъ, когда играютъ на лучшихъ струнахъ твоей души, а потомъ надуютъ. Очень я завидовалъ въ тѣ поры офицерамъ: во-первыхъ, думалось, въ офицерской душѣ тоже есть струны, а во-вторыхъ, ихъ не надуютъ; особенно въ послѣднее время убѣдился, что офицера иногда постигаетъ та же участь, что и мирнаго гражданина: всякій поручикъ, который обзавелся подругой жизни, можетъ разсчитывать на семейное счастье, пока онъ поручикъ, а какъ только его произведутъ въ штабсъ-капитаны, тутъ ужъ не полагайся на счастье, а гляди въ оба, не то это счастье какъ разъ улетучится.

То ли дѣло охота: она не измѣнить, не обманеть; можетъ, она и не дастъ такого счастья, какъ любовь и прочее, но зато и не отравитъ твоего существованія; но хоть и выругаешься порою рѣзкими словами, такъ не будешь потомъ ныть и плакать цѣлые годы. А сколько душевнаго мира и отрады даетъ она! И гдѣ ты такую отраду найдешь? Даже на груди любимой женщины не найдешь, ибо, коли ты еще не совсѣмъ сошелъ съ ума, все будешь думать: она тебя сегодня ласкаетъ, а завтра ни съ того, ни съ сего разочаруетъ; вотъ и Гейне говоритъ:

Легко твое сердце, какъ вѣтеръ ночной.
 Въ немъ нѣтъ постоянства, не спору—
 Подъ парусомъ чернымъ плыветъ мой корабль
 По дикому, бурному морю.

Будешь тогда плавать подъ черными парусами, а то и вовсе безъ парусовъ.

Дѣдъ очень любилъ Гейне, зналъ наизусть множество его стихотвореній и даже пытался переводить его на русскій языкъ.

Охота—убійство, говорятъ. Знавалъ я одного джентльмена, который яро ратовалъ противъ охоты, называя ее занятіемъ жестокимъ и недостойнымъ порядочнаго человѣка, а самъ [у нѣкоторой злополучной вдовицы домишко оттягалъ и ее съ дѣтьми чуть не въ голомъ одѣяніе на улицу выпустилъ.

— Убійство! Ну да, убійство, и я убійца, хотя и не очень яростный да, что жъ, коли мнѣ судьбой такой предѣлъ положенъ, а бороться съ судьбой въ этомъ случаѣ я не въ силахъ, да и не хочу.

— Вотъ отъ излишнихъ мученій я по возможности отстраняюсь и подранковъ терпѣть не могу. Хорошо, что у меня такой помощникъ Каро, который всякую раненую птицу мгновенно въ мертвую обращаетъ, да не только въ мертвую, а еще въ очищенную, потому, каналья, обязательно у каждой кишки выпустить. И какъ ни старался я отучить отъ этого, такъ и не могъ; а теперь и отучить нельзя: старъ, шельма, какъ его хозяинъ, и пора бы ему догадаться да на осинѣ повѣситься.

«А самъ ты отчего не повѣсишься?»—мелькнула у дѣда мысль и стало ему стыдно; онъ привсталъ и погладилъ стараго сеттера, поглядѣвшаго на него красивыми умными глазами и завилявшаго хвостомъ отъ неожиданной ласки.

— Помню я два случая,—продолжалъ—дѣдъ: еще мальчишкой-гимназистомъ зимою въ Кудровкѣ ранилъ я козу; гончіе догнали и повалили ее; я подбѣжалъ, конечно, въ восторгѣ, а она глядитъ на меня своими чудными глазами и плачетъ, а собаки у ней внутренности рвутъ; я собакъ отогналъ и выстрѣлилъ ей въ глазъ, чтобъ не мучилась... Долго не могъ я забыть этихъ козихъ слезъ и каждый разъ при воспоминаніи на душѣ становилось такъ скверно, скверно... А въ другой разъ убилъ я на Красненской Жабинкѣ кряковую утку, и хорошо убилъ: королевскимъ выстрѣломъ на огромномъ разстояніи; упала утка передъ самыми моими ногами и стонетъ, не кричитъ, а стонетъ жа-

лобнымъ тоненькимъ голосомъ, словно малое дитя передъ смертью. И такой страхъ на меня напалъ, такая жалость взяла, точно я не утку, а дѣйствительно дитя малое застрѣлилъ. Не поднялъ я утки: отойду, думаю, въ сторону, чтобъ не слышать было этого надрывающаго сердце стона, а, когда утка покончить свое существованіе, ворочусь и возьму. Отошелъ, можетъ, шаговъ на полтора, послѣ гляжу: мальчикъ, пасшій невдалекѣ коней, бѣгомъ подобрался къ уткѣ, схватилъ ее и, какъ заяцъ, покатилъ по болоту; я въ догонку ему: «держи! ату его!» онъ наддалъ еще быстрѣе, такъ и утащилъ мою утку, скверный мальчишка.

Дѣдъ улыbnулся, взялъ кочергу и помѣшалъ догоравшіе уголья. Ему было теперь совсѣмъ хорошо.

— Нужно подождать, пока совсѣмъ перегорятъ дрова: теперь еще рано печку закрывать.

Онъ опять усѣлся передъ огнемъ и началъ дремать; грезы его мѣшались и становились безпорядочнѣе; слышались голоса гончихъ: вотъ гонить старый Журило, вотъ Соловей, вотъ красавица Займа, Выплачь...

— Ехъ,—вздохнулъ очнувшійся дѣдъ:—нѣтъ и не будетъ у меня такихъ собакъ.

Помнится живо, паратая стая
По свѣжему слѣду несется, рыдая,
Все ближе и ближе залиvistый гонъ,
Въ немъ слышится мнѣ и отчаянья стонъ,
И ярости крики, страданія муки.
Растутъ, разрастаются мощные звуки,
И я на лазу очарованъ стою,
Стою, ожиданія страстнаго полный,
Нѣмой и недвижный, а звуки, какъ волны,
Вторгаются въ душу мою.

«Рѣшительно меня одолѣла сегодня поэзія»,—думалъ дѣдъ, закрывая печку.

И вдругъ въ дѣдову душу стали вторгаться слова довольно нелѣпой солдатской пѣсни:

Какъ у нашей командирши во печи
Раскипѣлися горшечки кипучи,
Кипучи-пучи-пучи-пучи.

Дѣдъ сталъ раздѣваться, а въ головѣ его неотвязно лѣзла пѣсня съ ея кипучими горшками.

— Никакъ я съ уму схожу. Этого еще недоставало. Не дай Богъ!

Онъ перекрестился.

На дворѣ попрежнему бушевала вьюга, сухой снѣгъ стучалъ въ окошко, вѣтеръ завывалъ сердито и жалобно.

Дѣдъ легъ и съ головой укрылся одѣяломъ, стараясь заснуть, но и сквозь сонъ ему слышалось:

Кипучи-пучи-пучи-пучи...

Н. Вербицкій.